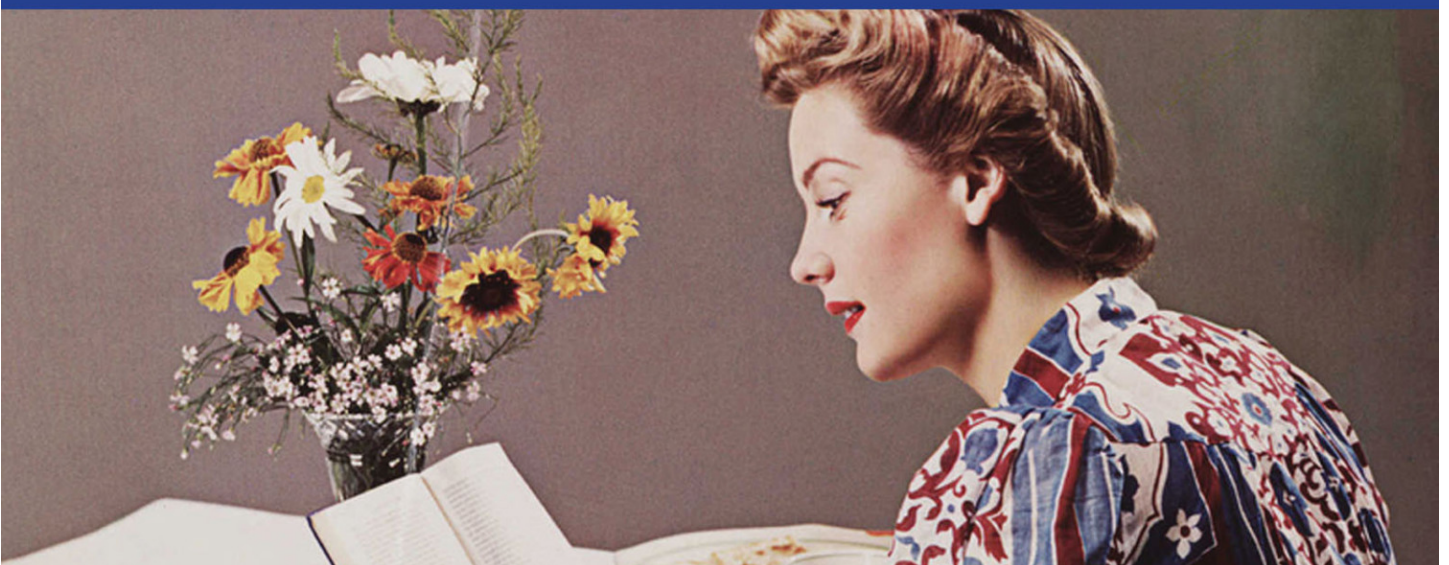

Галина Щербакова

Год Алены

ФТМ

Галина Щербакова

Год Алёны

«ФТМ»

1990

Щербакова Г. Н.

Год Алёны / Г. Н. Щербакова — «ФТМ», 1990

ISBN 978-5-4467-1833-7

После развода Нина живет со свекровью и преподает в техникуме русский язык и литературу. Ее дочь выросла, вышла замуж и кажется совсем чужим человеком. Нина хочет разобраться в себе, понять, как жить дальше, но не находит ответов. И тут из провинции приезжает Алена – дочь подруги Нины. Энергичная, жизнелюбивая и бесцеремонная, она заставляет Нину по-новому взглянуть и на себя, и на окружающих.

ISBN 978-5-4467-1833-7

© Щербакова Г. Н., 1990

© ФТМ, 1990

Галина Щербакова

Год Алёны

© Текст. Г. Н. Щербакова, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

Старухи выскакивали на счете «семнадцать». Прикрывшись шторой, Нина считала: три... десять, шестнадцать... Потом хлопала дверь подъезда, и они появлялись.

Нина загадывала: если первой выбежит свекровь – день будет спокойный. Если та, что с третьего этажа, – лопатистая, мужеподобная бабища – день будет плохой.

Подглядывание в окно стало ворожбой, игрой в чет-нечет.

Сегодня первой из подъезда выскочила коротконогая, крепко сбитая старуха – ее свекровь. Она вдохновенно работала коленками, локтями, мощно выдыхала углекислый газ – зимой это бывало особенно зрелищно.

Сейчас же май. Мощностя легких у бегущих старух можно только вообразить. Но мощностя есть – это безусловно. И кураж тоже. В этом году они вырядились в новые ярко-синие с белой окантовкой олимпийские костюмы, которые недавно появились в продаже. Никого из них не остановило то, что «Мишка» слегка утяжелил стоимостя костюма. Старухи поднапряглись и выдержали наценку. Зато как они бежали в этих костюмах в первый день! Просто синие стрелы, а не бабки.

На них всегда оглядываются зачумленные, торопящиеся по делам люди. Из окна не видно, что в этот момент в глазах у этих людей. Но ничего хорошего Нина не предполагает. Над старухами либо смеются, либо жалеют, либо их презирают. Потому что сама она, Нина, то смеется, то жалеет, то презирает.

Свекровь же взгляды, брошенные на нее на улице, читает иначе. Она уверена: ей удивляются и ей завидуют. Свекровь все в своей жизни воспринимает со знаком плюс, а это и есть основа счастья. Нина же так не умеет. Может, разнополярностя и держит их – чужих, по сути, людей – вместе?

Нина любит оставаться по утрам одна. Это совсем коротенькое одиночество, но оно как смазочное масло всему дальнейшему дню.

Раньше она этого не знала. Утро было заполнено всегда куда-то опаздывающей, все теряющей Дашкой. «Ой, где мои ключи?», «Ой, где моя шапка?», «Ой, не стой на дороге!», «Ой, купи мне лосьон, у меня кончился!», «Ой, если будут звонить...»

Дашка убегала, но еще долго квартира была наполнена ее дыханием, ее энергией, и, собирая разбросанные повсюду вещи, Нина и без дочери все равно была будто и не одна. Она даже ходила как-то боком, по стеночке, вроде боясь, что Дашка возникнет, материализуется и закричит на нее за что-нибудь.

Теперь уже полгода, как дочь замужем. И появилось это одиночество, замечательное одиночество, благословенное одиночество, когда можно спросить себя, умную, и получить ответ, а можно и пожурить себя, дурочку.

Нина медленно пьет чай, читает газеты. Вернее, не так. Она их не читает, а просто перелистнет с конца в начало и отложит. Ну, иногда пробежит глазами рецензию на что-нибудь ей интересное, поразится полному несовпадению своего впечатления с печатным текстом и даже успокоится: в таком постоянном несоответствии есть уже некоторая прочностя.

А прочностя – это все-таки хорошо. Это надежно. Значит, и войны не будет. Правда, после замужества дочери снова зашевелился страх. Страх, что война все-таки может быть и

теперь уже принесет потери ей. Им. Когда они жили вместе (плюс бегающая по утрам свекровь), Нина ловила себя на мысли, что давно не боится войны. Что, случись она, погибнут все сразу, а значит, не будет никому из них горя. А теперь дочь живет отдельно, влюблена до умопомрачения в своего мужа, и не дай бог... Сохрани бог...

Не думать об этом, не думать!

Скоро лето, надо себя куда-то приткнуть. Нина хочет в Прибалтику, а точнее – в старый Вильнюс. Давным-давно, еще студенткой, ездила туда. Была тогда поражена его древностью, его двориками, его каким-то своим духом... Она тогда не сумела в этом разобраться... Просто бежала куда-то и вдруг затормозила в средневековом переходе и услышала – тишину. Тишину в шуме. Было ясное ощущение материальности тишины, ее наполненности. Эту тишину можно было брать в руки, так спрессована она была. Из нее, наверное, можно было добывать и философский камень. Так подумалось тогда... Или теперь? Может, раньше было просто ощущение, а подобное осмысление пришло потом? Но осмысление все-таки пользовалось формами обычными, заурядными, а то ощущение было вне заурядности. Вот почему хотелось проверить, существует ли такая тишина на самом деле или она плод фантазии?

Свекровь уже давно скрылась за поворотом. Сейчас они с лопатистой подругой прибегут на стадион, где их ожидает группа здоровья. Старухи поприветствуют друг друга в стиле каратэ и побегут дальше. Вечером они соберутся попить травяного чаю или пойдут в театр «на старые вещи», где есть декорации и костюмы, или распишут пулечку.

Розовощекие, бегущие в будущее старухи.

Нина преподает в строительном техникуме русский язык и литературу. Бессмысленные для техникума предметы. Не она так считает – они. Ученики. Каждый год ей все труднее и труднее объяснять им про совесть Толстого и про разумный эгоизм Чернышевского. Она знает: ее студенты – славные ребята, просто они никак не могут приспособить все даваемые ею знания к своему делу, и здоровый прагматизм отвергает их.

– Просто слушайте и запоминайте, – говорит она им. – Это за плечами не носить. А в отношениях с самим собой и с людьми обязательно пригодится.

Нет, отвечают они. Не пригодится. Не может человек, который никогда не работал, помочь в чем-то современному прорабу.

– Кто не работал? – не поняла Нина.

– Толстой. Кто же еще?

– Хорошо, – сказала она. – Возьмите ручки. Откройте «Войну и мир». Переписывайте.

Они сдались на тридцатой минуте. Тяжело. Да еще по-французски сколько! С лопатой, может, и легче...

Нина стыдилась своего эксперимента. В конце концов она им только одно доказала: граф, барин мог устать физически. Может, даже не меньше, чем прораб...

– А какая у него ответственность? Кто у него план спрашивал?

В общем, уроки литературы – уроки веселой необязательной болтовни.

Повела всех на фильм «Премия».

– Ну? – спросила. – Как вам это? Это вам нужно или нет?

Мнения разделились. Нет, сказали одни. Потому что все это брехня. Никто еще никогда от денег не отказывался, если они не ворованные, а вполне государственные. Да, сказали другие. Надо когда-то начинать наводить порядок.

В техникуме Нину ценили за неординарность уроков. Жалели за неудавшуюся личную жизнь, стеснялись ее молчаливости, некомпанейности. Коллектив у них дружный, они за грибами вместе ходят, дни рождения широко отмечают. Она же – часто в стороне. Все что-то думает, а что думать? Вперед надо, вперед!

Таковыми же словами воспитывала Нину и свекровь. Слово «вперед» выходило у нее особенно выразительным, сине-олимпийским и с короткими ногами.

Однажды свекровь сказала:

– Ты могла бы и еще раз попробовать устроить свою жизнь. Какие у тебя годы? Вперед надо, вперед!

Нина замерла, будто зависла над этим словом, вспоминая вкус и цвет самого понятия – вперед. Что оно значит?

Что значит вперед и назад в человеческой жизни? Если завтра – это вперед, то какой смысл в этом вперед, если лучшее было вчера? И человек хочет назад, потому что, в конце концов, он знает, что ему лучше. Это глупости, будто человек сам про себя ничего не знает. Человек знает про себя все. Просто он может что-то забыть, в чем-то еще не разобраться. Тогда тем более ему надо назад, чтобы вспомнить и понять... Вспомнить – всегда назад. Человек неимоверное количество времени вспоминает, значительно больше, чем мечтает о будущем. Так почему тогда назад хуже, чем вперед?

Но Нина не говорит это свекрови. Никому не говорит. Думает же об этом бесконечно. Особенно с тех пор, как Дашка вышла замуж. Освободившееся от забот о дочери время надо было чем-то заполнить. Тем более что бесполезно гнать мысли. Их надо перебрать на вкус, на цвет и на ошупь... В этом «надо» было что-то почти мистическое. И в то же время бытовое, как в ремонте квартиры. Не начнешь же побелку, пока все не вынесешь?

Собираясь на работу, трясясь в транспорте, стоя в очереди, в любом неожиданном месте, в любое время Нина потихоньку «выносила мебель».

«Меня – две, – думала Нина. – Одна живет во времени вперед, другая – во времени назад. Встретимся ли мы?»

Распечатанное письмо свекровь вручила ей вечером.

– Какая беспардонность! – сказала она. – Какое нахальство! В конце концов, при чем тут мы?

О беспардонности и нахальстве говорил человек, распечатавший чужое письмо. Последнее время Нина стала обращать внимание на свойство людей требовать порядочности от других, не обременяя самого себя этими качествами. Было ли это всегда или это исключительно современное достижение? Себя чтит и пестует всяк. Всяк о себе только в превосходной степени. Все же другие – плохи. Даже совершая гнусь, люди научились находить для этого исключительно основательные причины и оправдания. В троллейбусе прелестная женщина прекрасным голосом учила другую прелестную женщину.

– Лапочка! Пиши подметное письмо! Все уже давно их пишут. Это стиль жизни.

Нина ничего не сказала свекрови, она молча взяла конверт. Письмо было не подметным. Оно было от Алёны, дочери ее умершей подруги. Алёна старше Дашки на три года, значит, ей двадцать два. Нина видела ее в последний раз на похоронах матери два года назад. Алёна тогда только что вышла замуж и, рыдая над гробом, картинно висла на шее у молодого мужа. Все на нее пялились, потому что непристойно здоровыми были эти объятия на виду у смерти.

И вообще замужество Алёны вызывало осуждение.

У матери была последняя стадия рака. Но даже последняя стадия рака – это еще жизнь, а значит, и фата, и пузыри на машине, и прочая идиотская символика возможны, разрешены... Нина представила, как они, сильные и веселые, явились к матери и та, нафаршированная обезболивающими препаратами, благословила их, уже наполовину оттуда.

Люди осуждали Алёну за торопливость, говорили, что раньше так не поступали...

– Так что же, ей надо было ждать смерти матери? – спрашивала Нина. – Вы понимаете, что это такое – ждать смерти?

– Не ждать, а потерпеть, – ответила ей одна женщина. – А они теперь не терпят...

«Люди, меняя слово, думают, что изменяют сущность, – думала Нина. – Ждать, терпеть... Разве это не одно и то же в этой ситуации?» Но в том-то и дело, что внутренне она приняла позицию той женщины. Надо было потерпеть...

А теперь Алена писала, что с мужем разошлась – он оказался подлецом. Что ей «остобрыдло» в городе, где все знают «друг друга в морду». Что она решила приехать в Москву на любую стройку, скрыв свое высшее педагогическое образование. Знакомые «сделали ей липу», написав справку, что она работала где-то там секретаршей. Но она не хочет ехать очертя голову, «через официальные каналы». Она хочет «приехать к вам, тетя Ниночка», и «потолкаться в московской толпе». «У вас, говорят, много кого требуется»... Устроится и, конечно, уйдет, «нельзя ближнего теснить в берлоге».

Нина почувствовала, что страстно, просто до боли хочет увидеть Алену. Она хочет узнать, понять, как выходят они, нынешние, из разводов. Ведь если вспомнить, как было у них с Евгением... Господи, спаси! А эта крутобедрая, широкоскулая, калмыкообразная Алена будто нарочно повторяет ее шаги. Бросает профессию, разводится с мужем. Ее, Нину, все это обдирало до крови, а эту? Пусть девчонка едет. Пусть поищет счастья в Москве. Это нормальный для русского человека путь поисков.

Она тоже в свое время рвалась в Москву. Боже, когда это было?

...Нине часто снится один и тот же навязчивый сон. Ей надо вытащить ведро воды из колодца, а у нее не получается. В жизни в детстве Нина вполне справлялась с этой нехитрой задачей. Зачерпывала понемногу, понемногу приносила. Во сне же, во сне, который навязчиво стал сниться ей после того, как она уехала от колодца, было не так. Только протянет руку к ведру, только на секунду оставит ворот, как цепь в тот же миг, хохоча, издеваясь, глумясь, начинает разматываться с невероятной скоростью... Бьется о стенки ведро, расплескивая воду, шуму-то, звону сколько. Бухается где-то внизу... И скрипит, скрипит насмешливая цепь...

Всегда после этого сна ощущение тоски и неудачи.

Сон стал сниться, когда она приехала в Москву. У нее был трубочкой свернутый аттестат зрелости, платье из двух половинок. Перед – клетка беж с коричневым, а спинка – сплошь коричневая, изнанка старенького мамино пальто. Ехала в поезде на боковой полке, было жарко и пахло пожарищами. Семь лет прошло – все равно пахло войной. И люди в поезде вполне сходили за мешочников, а может, и были ими. Нина не выпускала из рук аттестат-трубочку и все время трогала зашитые в лифчик деньги. На станцию Никитовка ее провожал Славик. Он уже учился в Харькове, приехал на каникулы и вызвался ее проводить.

Пять часов они ждали поезда на раскаленной платформе, и мамины котлеты стали плавиться от жары, испуская такой аромат, что подошла одна тетка и спросила:

– Не пойму, что вы такое кладете в котлеты? У меня тоже вкусные, но до ваших, судя по запаху, далеко.

– Я не знаю, – виновато ответила Нина. – Это мама...

– Так секреты ж надо узнавать! – закричала тетка. – Ваша мама помрет – дай бог ей здоровья, – а вы останетесь ни с чем. Скажите ей, молодой человек, – это она Славику, – рецепт – это все! Ничего за него не жалко. Дайте тогда попробовать.

Развернули котлеты, дали тетке, сами стали есть, запивая теплой водой.

Тетка жевала внимательно, тут же комментируя:

– Чеснок толченый, а лук пережаренный... А у меня сырой. Картошка на мелкой терке тертая. Мяса два. Поросячье и коровье.

– Только поросячье, – тихо сказала Нина.

– Девочка! – возмутилась тетка. – Разве ж я не чую? Кусочек коровьего точно брошен...

Нина молчала. Не было коровьего мяса, не могло быть. Держали поросенка, козу, уток. После голода сорок седьмого мама сказала: «Буду держать скотину, сколько смогу... Мало ли что?»

Тетка вытерла руки о цветы, которые росли на железнодорожной клумбе, и ушла к своим оклункам. Так у них назывались мешки.

И вот тут, на таком прозаически-котлетном фоне, Нине первый раз в жизни объяснились в любви. Что побудило этого лопухого, молчаливого Славика – бог весть. Только он, багровея, сказал в тот момент, когда Нина сворачивала промасленную газету, чтоб выбросить:

– Если у тебя что не получится в Москве, ты давай в Харьков. Я буду ждать... – Он набрал воздуха, выдохнул его почти весь и уже на остатке не то просипел, не то просвистел, а может, даже – как это? – прочревовещал: – Я всю жизнь буду тебя ждать. Всю жизнь и каждый день.

В общем, если оробевшей перед будущим Нине нужны были шенкеля в бок, она их получила. Все что угодно! Только не Харьков и не Славик. Фу!

Утром Нина написала:

«Приезжай, девочка. Буду тебе рада».

Когда писала слово «рада», допустила ошибку. Написала «раба». Вспомнила, как боролась с собой в молодости. Она называла эту борьбу чеховским «выдавливанием из себя по капле раба». «Капли брякали о цинковое дно, и такой стоял шум», – с грустью подумала Нина.

– На носу лето, – объяснила Нина свекрови. – Вы все равно будете за городом, я, может, тоже куда-нибудь поеду. Пусть девчонка поживет.

– Учти, в свою комнату не пущу, – категорически отрезала свекровь.

– Я пущу, – ответила Нина.

Что-то нехорошее в ней шевельнулось... Жалость к себе самой? Или гнев против свекрови, которая жила ведь с Дашкой, до сих пор у нее в комнате диванчик стоит. Но тут же Нина прикрикнула на себя. Не смей! Не смей давать расти в себе ни жалости, ни гневу. Им только дай волю, только дай...

Опустив открытку в почтовый ящик, Нина подумала: Алена вызвала из небытия силы, о которых она, Нина, забыла. Это же надо! Ра-ба... Интересно, сейчас кто-нибудь выдавливает его по капле?

Нине хотелось притащить за уши ту девчонку, какой была сама... «Сколько? Тридцать с хвостиком лет тому...» Она хотела поставить ее рядом и посмотреть ей в глаза. Вот интересно, могла бы она ее чему-то научить, дать ей дружеский совет из сегодня во вчера? Дочери она не может...

На уроке у Нины был «Вишневый сад». Она не любила эту тему, потому что всегда почему-то старалась защитить пьесу, невольно провоцируя этим будущих прорабов на нападение. Они, как голодные волки, вгрызались в ломких чеховских женщин и бездеятельных мужчин, рыдающих от стука топора. Ну полное неприятие! В чем проблема?! Если надо, надо рубить! Люди, плачущие от таких пустяков, исторически бесперспективны. Что и доказала революция.

Никогда еще ни один столь правильный вывод не показался ей таким угрожающим. Было странное ощущение: для рождения ребенка убивают мать. Она даже сказала им об этом. Они ей ответили, что это все слова. «Мать убивают!..» Болтовня по-чеховски...

Никто никого не убивает. Один из учеников засмеялся: «Мать сама умерла при родах. Сердце не выдержало».

Но сегодня, опустив открытку Алене и вспомнив, как она сама выдавливала из себя по капле раба, Нина как-то автоматически, без провокаций, провела спокойно традиционный урок. Разложила все по полочкам, и все разошлись, довольные друг другом.

На перемене ей представили учителя, который пришел замещать ушедшую в декрет физичку. «Не могла дотерпеть до конца года», – возмущалась директор. Нина рассеянно

пожала новенькому руку, не обратив внимания на оживившихся в учительской женщин. В их техникуме нет проблемы мужчин, сказывается производственная специфика, но женщины все равно радуются, что пришел он, а не она... Общая беда образования уже выработала стереотип восприятия.

Но сегодня такой странный день: все внешние впечатления проходят у Нины по касательной.

«Я хочу что-то понять», – сказала она себе.

Что?

После работы она столкнулась с новым учителем на троллейбусной остановке.

– И как мы в сравнении? – спросила она его.

– Не понял, – сказал он.

– Ну ведь вы определенно нас сегодня с кем-то сравнивали... Откуда вы пришли?

– А! – засмеялся он. – Я из вечерней школы, но ни с кем вас не сравнивал. Ей-богу! А вы всегда сравниваете?

– Я? – смутилась Нина. – Но ведь это происходит непроизвольно. Разве нет?

Он насмешливо посмотрел на нее и показал на троллейбус.

– Мой, – сказал он. – Я подумаю о непроизвольности сравнений.

Нина смотрела вслед троллейбусу. Остро захотелось увидеть Дашку, услышать лай Капрала. Что сейчас делает ее дочь? Жизнь Дашки в другом доме была ей совершенно непонятна.

Сватья говорила, что Дашенька хорошо готовит. Каким таким непостижимым образом она этому научилась? Сватья говорит: невестка практична и домовита. Конечно, тут надо делать скидку, что сама сватья – геолог, никогда домом не занималась, она и сейчас где-то в поиске, одинокая женщиномужчина.

– Дашенька – очень мягкая, – говорит она.

– Разве если сравнивать ее с мужским отрядом в тайге... – ядовито сказала Нина.

– Что вы имеете против мужского отряда? – удивилась сватья. – Там разные люди.

– Ничего, – растерялась Нина. Очень она тогда расстроилась из-за своей бестактности.

Но, видимо, Дашка на самом деле изменилась. Или мы такие, какими нас хочет видеть чужой глаз? Но мягкости у нее раньше не было. Или просто Нине она не досталась?

Нина села в троллейбус, идущий к дочери. Езда предстояла долгая. Чего Нина не умела делать, так это выбирать оптимальные по времени маршруты. Она не любила метро. Это чувство возникло у нее не так уж давно. Было восторженное восхищение метро в молодости, но чем гуще становилась толпа под землей, а она становилась гуще и гуще, чем громче кричали в нем мегафоны, чем чаще ставились сдерживающие блестящие оградки, тем противней было Нине попадать в подземку. Было что-то страшное в течении ее толпы и ее разноцветье, в ее молчании, в ее покорно направленном движении.

Автобусная очередь, расхристанная и неуправляемая, идущая не по правилам, а поперек их, была Нине понятней, что ли?

Конечно, противно, когда тебя жмут со всех сторон. Но это все равно лучше молчаливого движения в затылок друг другу. Четко – вверх или четко – вниз.

На этот раз в беспорядочном броуновском движении ей повезло: она села. Даже у окошка. Рядом грохнулся мужик, пришлось подобраться, сконцентрироваться...

Когда троллейбус тронулся, Нина увидела Олега. Судя по тому, как старательно он смотрел в окно, он тоже ее заметил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.